

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1886.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЯТНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1887.

Археологическая экскурсія въ Крымъ лѣтомъ 1886 года.

Поѣздка моя нынѣшнимъ лѣтомъ въ Крымъ имѣла главною цѣлью ознакомленіе съ тамошними архивами, преимущественно съ тѣмъ ихъ матеріаломъ, который подлежитъ рассмотрѣнію и изслѣдованію ориенталистовъ, т. е. съ документами на турецко-татарскомъ языкѣ.

Но живя въ такомъ краю, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаешься съ архитектурными и другими вещественными памятниками старины, не возможно проходить мимо нихъ, не обращая на нихъ любопытнаго взора.

Бывши исконною или случайною колыбелью множества народностей, Крымъ изобилуетъ массою слѣдовъ пребыванія тамъ этихъ народностей, и притомъ въ такомъ смѣшанномъ разнообразіи, что нельзя ни одному наблюдателю всегда оставаться въ сферѣ исключительно своей специальности, и поневолѣ, интересуясь древними памятниками извѣстной категоріи, приходится стороною прихватить что-нибудь и изъ другой. Такъ было и со мною. Сосредоточивая свое вниманіе на остаткахъ старины татарской, я по пути заносилъ въ свою памятную книжку все, что мнѣ казалось заслуживающимъ вниманія по части древностей, оставшихся отъ былой жизни и другихъ обитателей Крыма.

Первою моею мыслью было воспользоваться услугами фотографіи, чтобы имѣть возможность нагляднѣе представить теперешній видъ нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ. Это я считалъ необходимымъ потому еще, что эти памятники быстро разрушаются и исчезаютъ почти уже на нашихъ глазахъ, какъ на это я буду имѣть случай еще указывать далѣе.

Съ этою цѣлью я хотѣлъ-было самъ заготовить фотографическимъ аппаратомъ, но я поздно принялся за осуществленіе своего намѣренія: время

не позволило мнѣ освоиться съ фотографическими приѣмами и манипуляціями, чтобы можно было рассчитывать на какой-бы то ни было результатъ. Фотографія вещь капризная: бывали случаи, что изъ сотни снимковъ, сдѣланныхъ новымъ, такъ назыв. сухимъ, способомъ ни одинъ потомъ не оказался годенъ, когда они были подвержены процессу химическаго проявленія.

Что же касается мѣстныхъ крымскихъ фотографовъ, то они исключительно занимаются лишь съемкою красивыхъ мѣстностей крымскихъ побережій для удовольствія туристовъ и нисколько не расположены тратить свой трудъ и время на воспроизведеніе памятниковъ старины, совершенно справедливо ссылаясь на недостатокъ сбыта подобныхъ фотографическихъ снимковъ.

Мнѣ, могу сказать, посчастливилось въ этомъ отношеніи: единственный въ Феодосіи фотографъ Х. С. Бабаевъ оказался вмѣстѣ и любителемъ старины, и въ то время какъ другіе фотографы, напр. ялтинскій, не соглашались ни за какія деньги сдѣлать экскурсію для фотографированія нѣкоторыхъ памятниковъ внутри Крыма, по каменистымъ и тряскимъ дорогамъ, г. Бабаевъ принялъ мое приглашеніе, удовольствовавшись тѣмъ, чтобы я взялъ на себя путевые издержки и расходы на фотографическій матеріалъ.

Фотографія не рисованіе, и полная удовлетворительность ея снимковъ зависитъ отъ многихъ условій, требующихъ и времени, и хорошей погоды: выгодное освѣщеніе и свѣтлое небо обязательно необходимы для каждаго ея процесса. Поэтому не всѣ наши работы вышли безукоризненны; но по крайней мѣрѣ намъ удалось сохранить хоть кое-какіе слѣды отъ нѣкоторыхъ памятниковъ древности, отъ которыхъ, можетъ быть, скоро никакихъ признаковъ не останется. Такимъ образомъ я могъ составить небольшой альбомъ снимковъ съ древнихъ крымскихъ памятниковъ, который и передалъ мною въ распоряженіе Императорской Археологической Коммиссіи.

Эксперсію свою я началъ съ Судакской крѣпости. Судакъ, Солдайя, нашъ Сурожъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ пунктовъ въ Крыму, памятный своимъ прошлымъ исторіи. Нѣкогда это былъ многолюдный городъ. Крѣпостныя сооруженія его въ настоящемъ ихъ видѣ есть дѣло рукъ венеціанскихъ и генуэзскихъ колонистовъ. Переходя изъ рукъ въ руки, Судакъ одинъ изъ первыхъ подпалъ подъ власть татаръ, нахлынувшихъ въ XIII вѣкѣ. Но особенно татаре обрушились на этотъ видный центръ христіанско-торговаго населенія въ началѣ XIV в. при ханѣ Узбекѣ, ревнителѣ мусульманства и грозномъ носителѣ ханской власти, дававшемъ чувствовать всю тягость своего господства.

Населеніе г. Судака составляли армяне, греки и отчасти татары, кромѣ державшихъ въ своихъ рукахъ власть генуэзцевъ.

Укрѣпленія судакскія воздвигались по частямъ, какъ это показываютъ надписи на нѣкоторыхъ башняхъ. Въ этихъ надписяхъ говорится, при какомъ консулѣ та или другая изъ нихъ построена.

Исторія этого замѣчательнаго памятника древности настолько уже разработана трудами покойнаго Бруна, нынѣшняго вице-президента Одесскаго Общества Исторіи и Древностей В. Н. Юргевича, занимавшагося списываніемъ и разборомъ надписей, что мнѣ приходилось бы лишь повторять добытые ими результаты.

Изъ сооруженій, постепенно приходящихъ всетаки въ упадокъ, въ настоящее время замѣчательны первыя крѣпостныя *ворота*, ведущія въ крѣпость съ Сѣвера, со стороны нѣмецкой колоніи, расположенной у подошвы горы, на которой возвышается крѣпость. Они сохранили въ наибольшей полнотѣ характеръ генуэзскихъ построекъ въ Крыму, какъ въ отношеніи фортификаціонномъ, такъ и просто въ архитектурно-орнаментномъ.

Далѣе замѣчательна такъ называемая *Желѣзная башня*, приходящаяся насупротивъ воротъ и влѣво на средней высотѣ горы, занимаемой крѣпостью. Названіе свое она получила отъ желѣзныхъ скрѣпленій, которыхъ не имѣютъ прочія башни. Находящееся на западной сторонѣ башни отверстіе, имѣющее форму бутылки съ длиннымъ горломъ, есть не что иное какъ дверь, у порога которой должна была находиться подъемная сходня, соединявшая эту дверь со стѣною. То, что похоже на горлышко, есть небольшое продолговатое углубленіе, вѣроятно, для помѣщенія цѣпи, которою поднималась и опускалась сходня. Эта башня вмѣстѣ съ находящимися возлѣ нея другими, меньшаго размѣра, образуетъ родъ небольшого отдѣльнаго замка. Внизу внутри Желѣзной башни въ нишѣ восточной стѣны донынѣ замѣтны слѣды фресковъ, показывающихъ, что это была домашняя капелла, можетъ быть самого консула, или коменданта крѣпости.

Направо, на самой вершинѣ скалы есть еще башня, которую называютъ *Кыз-куллеси* = «Дѣвчья башня». Это названіе тѣмъ только и замѣчательно, что оно характеризуетъ вкусъ мѣстныхъ жителей Крыма, гдѣ что ни скала, что ни замокъ, то непременно связаны съ какимъ-нибудь романтическимъ приключеніемъ, и притомъ всегда ужаснаго свойства: или кто-нибудь самъ бросился оттуда и убили, или его другіе сбросили, чтобъ онъ убили; или тамъ рубили людямъ головы, или томили людей въ заключеніи. То же самое и тутъ: самая высокая башня предназначена преданіемъ и фантазіею для содержанія тамъ *дѣвиць*, обреченныхъ на продажу въ неволю, во времена процвѣтанія въ Крыму торговли невольниками.

Направо отъ воротъ, по направленію къ морю, идутъ остатки разрушенной стѣны и три башни, изъ коихъ крайняя, похожая профлемъ на

египетскую статую, скоро, надо полагать, совсѣмъ обрушится и прекратить свое существованіе.

Правѣ виднѣтся еще башня и возлѣ нея развалины древней церкви. Оба сооруженія занимаютъ особый холмикъ, отдѣленный отъ большой крѣпости довольно глубокимъ оврагомъ. Но замѣтно, что эта отдѣльная крѣпостца соединялась стѣною, которая, пресѣкая оврагъ, примыкала къ главной крѣпости.

Трудно опредѣлять назначеніе этой крѣпостцы и при ней церкви. Можно развѣ вотъ что предположить — не было ли это кладбище, ибо на обрывѣ холма, обращенномъ къ морю, въ осыпавшейся землѣ доселѣ виднѣтся масса человѣческихъ костей и череповъ, которые не могли явиться тамъ результатомъ случайнаго побоища, такъ какъ слишкомъ мало пространства для вмѣщенія такого большого количества народа, которое столько бы оставило здѣсь костей своихъ.

Но нельзя пройти молчаніемъ и того факта, что въ нѣдрахъ почвы обрыва виднѣются также обломки, и очень большихъ размѣровъ, огромныхъ глиняныхъ амфоръ; а въ двухъ мѣстахъ видны цѣльныя половины такихъ амфоръ и на довольно значительной глубинѣ. На одномъ небольшомъ обломкѣ изображены рельефно двѣ греческія буквы ХП.

Остатки фресковъ въ церкви кажутся позднѣйшими и притомъ какъ будто греческой живописи. Но архитектурный стиль самаго зданія и вырѣзныя орнаментныя фигуры на стѣнахъ армянскіе. Странно, что нигдѣ въ цѣломъ Крыму не находится кладбищъ или могилъ, которыя бы несомнѣнно принадлежали генуэзцамъ. Тоже и въ Судахъ. Позади крѣпостной стѣны на обрывѣ, обращенномъ къ морю, есть штукъ семь квадратныхъ, ровныхъ съ землею и довольно толстыхъ стѣнныхъ каменныхъ кладокъ, размѣромъ сажени въ двѣ квадратныя. Мѣстные чичероне называютъ это «гробницами консуловъ». Раскопки въ нихъ были начинаемы г. Романовскимъ, но не доводились до конца. Но явно, что тутъ ничего нѣтъ и похожаго на могильныя сооруженія: это были, вѣроятно, фундаменты какихъ-нибудь временныхъ, можетъ быть даже деревянныхъ, построекъ, которыя легко могли быть сносимы въ случаѣ надобности, и дѣйствительно исчезли, оставивъ на память одни каменные фундаменты.

Налѣво отъ воротъ осталось больше слѣдовъ бывшихъ стѣнъ, и между прочимъ двѣ башни. На одной изъ нихъ есть каменная плита съ надписью. Эта плита только одною лѣвою половиною своею держится на башнѣ, другая же виситъ на воздухѣ, и ей грозитъ скорое неминуемое паденіе и вмѣстѣ, вѣроятно, сокрушеніе, ибо камень довольно мягкій и хрупкій, если только

какая-нибудь спасительная рука не предупредить этого паденія, заблаговременно снявъ доску съ разрушающейся стѣны.

Но главную достопримѣчательность Судака составляетъ то зданіе, нынѣ обращенное въ армянско-католическую церковь, которая находится на самомъ почти восточномъ обрывѣ крѣпостной скалы. Латинская надпись надъ алтаремъ гласитъ: «In Christi nomine amen. 1423 die 4 Januarii (hoc) opus fecit fieri Domine R. Catalanus. Christus custodiat». Ее переводятъ такъ: «Во имя Христа, аминь. 1423 года 4 января эту постройку соорудилъ господинъ Р. Каталано. Да хранитъ Христосъ» (Зап. Од. Общ., IX: 389). Въ 1475 году это зданіе было обращено турками въ мечеть, а потомъ снова сдѣлано христіанскою церковью въ 1783 году русскими.

Но ученый путешественникъ (1832—1834) Дюбуа де-Монперё высказываетъ мнѣніе, что это зданіе первоначально было построено для мусульманской мечети, которая была воздвигнута татарами въ началѣ XIV вѣка. Это мнѣніе поддерживается и почтеннѣйшимъ настоятелемъ церкви, отцомъ Херувимомъ Кушнеревымъ. Но мнѣ что-то не кажутся убѣдительными доводы г. Дюбуа де-Монперё, основанные на архитектурномъ стилѣ этого зданія. Г. Дюбуа сближаетъ его форму съ формою мечети въ деревнѣ Кара-гѣзъ, типъ которой онъ называетъ типомъ первобытныхъ крымскихъ мечетей. Я видѣлъ мечеть кара-гѣзскую, и мнѣ не бросилось въ глаза сходство обонхъ зданій: форма купола судакской церкви скорѣе напоминаетъ нѣсколько низковатый куполъ Св. Софій въ Константинополѣ, тогда какъ куполы турецко-мусульманскихъ мечетей какъ-то круче и выше, хотя несомнѣнно въ нихъ видно подражаніе архитектурному стилю византійскому. Окна, расположенныя одни надъ другими въ западной стѣнѣ церкви, очень бы много говорили за татарскую архитектуру церкви, если бы не было очевидно, что они продѣланы послѣ, а не входили въ первоначальный планъ зданія: такъ они несимметричны и грубо обдѣланы косяками. Стилъ же чисто татарскихъ мечетей совсѣмъ иной, какъ это мы увидимъ послѣ, когда будетъ рѣчь о старо-крымскихъ древностяхъ.

Поэтому, несмотря на то, что и доселѣ близъ мечети покоятся многіе мусульмане, и одна могила посѣщается мѣстными богомольцами, какъ принадлежащая мусульманскому святому, я склоненъ къ убѣжденію, что первоначальное сооруженіе этой молебни было дѣломъ рукъ грековъ, или, можетъ быть, еще турковъ-сельджуковъ, но никакъ только не татаръ. Во всякомъ случаѣ уже оно прошло чрезъ разныя мытарства, пока не сдѣлалось нынѣ католическо-армянскою капеллою.

Но если въ Судакѣ оказывается всего-на-все одинъ археологическій

памятникъ, принадлежность котораго татарамъ нѣкоторыми оспаривается, то Старый-Крымъ представляетъ сплошную массу древностей несомнѣнно татарскихъ. Такъ нынѣ называется небольшой заштатный городишко въ 25 верстахъ къ С.-З. отъ Θεодосіи внутри полуострова. Онъ лежитъ въ покатоѣ лоцинѣ между двухъ горныхъ кряжей. Съ одной стороны возвышается гора Агармышъ, склонъ которой загибается къ В. и обхватываетъ городъ уже въ видѣ небольшой возвышенности, примыкающей къ довольно высокому холму, именуемому *Кемаль-ата*, или *Кемаль-баба*, образуя естественную ограду города съ сѣверной стороны. Низменный промежутокъ среди отлогости Агармыша и холма Кемаль-ата служитъ какъ-бы воротами въ древній татарскій городъ.

По ту сторону окаймляющей съ С. городъ горной возвышенности существовали искусственныя укрѣпленія въ видѣ рва и каменныхъ стѣнъ. Теперь замѣтны лишь признаки не выполнившагося землею рва; о стѣнахъ же свидѣлствуютъ лишь остатки фундаментовъ, да частичка какого-то строенія, виднѣющаяся съ холма Кемаль-ата направо къ Агармышу. Здѣсь-же гдѣ-то долженъ былъ, по словамъ г. Караулова, находиться надгробный памятникъ изъ тесанныхъ камней, съ готическимъ сводомъ и татарскою надписью 868 = 1454 года, которая показывала, что въ мавзолѣѣ этомъ былъ похороненъ нѣкій Хыяс-эд-Динъ-султанъ, сынъ Кылай-Темир-хана (Зап. Од. Общ., XIII: 46). Г. Карауловъ писалъ въ 1883 году объ этомъ памятникѣ. Теперь и слѣдовъ его не осталось, и даже на разспросы мои никто не могъ указать мѣста, гдѣ былъ этотъ памятникъ. Равнымъ образомъ не осталось ничего и отъ вѣшнихъ стѣнныхъ сооружений: все это разрушено, выломано, вывезено въ городъ и употреблено частію для постройки новыхъ домовъ, частію сложено въ видѣ оградъ около домовъ. Такого безпощаднаго истребленія древностей, какъ въ Ст.-Крымѣ, нигдѣ еще, кажется, не было видано. Тамъ даже есть рабочіе, специально занимающіеся ломкою древнихъ строеній и фундаментовъ. Разрушителями являются не простые невѣжественные люди, а иногда даже люди образованные, и вовсе не вслѣдствіе какой-либо необходимости, напримѣръ, по требованію плана собственной постройки или почему-либо въ этомъ родѣ, а единственно потому только, что можно безотвѣтственно и безнаказанно творить это разрушеніе, жертвою котораго сдѣлались остатки древностей, находившіеся далеко за чертою пространства, занимаемаго нынѣшнимъ городомъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого безпощаднаго и ничѣмъ не вынужденнаго разрушенія. На пространствѣ внутри естественной горной ограды, по дорогѣ мимо холма Кемаль-ата еще два года тому назадъ я самъ видѣлъ *остатки стѣнъ и зданій*, шедшихъ вдоль горнаго склона по направленію отъ Кемаль-ата къ

Агармышу. Нынѣ же лѣтомъ я засталъ лишь два небольшихъ кусочка зданій, и ни малѣйшихъ признаковъ стѣнъ: все разрушено и расхищено.

Самый холмъ Кемаль-ата — мѣсто исторически извѣстное. Теперь въ народной молвѣ онъ слыветъ за могилу знаменитаго Мамая; но это очень сомнительно. Болѣе правы тѣ, которые называютъ его первымъ именемъ. Кемаль-ата былъ, по историческимъ преданіямъ, знаменитый шейхъ дервишскаго монастыря, жившій еще во времена образованія Крымскаго ханства (Семь планетъ, 78). Нынѣ на холмѣ его имени видны лишь немногіе надгробные памятники съ именами шейховъ, остатки фундамента прежнихъ зданій дервишскаго текѣ да, можетъ быть, погребальныхъ тюрбѣ. Но старо-крымскіе обыватели самымъ варварскимъ образомъ поступили съ этимъ памятникомъ старины: они раскапывали усыпальницы до склеповъ, проламывали своды склеповъ и, не найдя тамъ ничего кромѣ костей и череповъ, снова заваливали ихъ каменными глыбами, такъ что теперь къ нимъ и подступиться трудно. Распаханная подъ табачную плантацію поверхность западнаго склона холма усѣяна черепками глиняной посуды прежнихъ формъ съ оригинальными на нихъ узорами.

У подошвы холма къ З. въ одномъ мѣстѣ, представляющемъ слѣды подвала какого-то зданія, татары показываютъ, что тамъ была когда-то мечеть такъ называемая «Мускусная». Они утверждаютъ, что въ дождливую погоду въ этомъ мѣстѣ слышенъ запахъ мускуса. Мускусомъ не мускусомъ, но дѣйствительно послѣ дождя пахло чѣмъ-то пріятно вблизи этого мѣста, должно быть какими-нибудь растеніями.

Наименованіе этой, нынѣ безслѣдно исчезнувшей съ лица земли, мечети преданіе связываетъ съ происхожденіемъ древняго названія города «Солхатъ» (Семь планетъ, 78).

Отъ Кемаль-ата до нынѣшняго городского жилья остается еще большая площадь, совершенно пустая: только масса сравненныхъ съ землею фундаментовъ, да тамъ и сямъ виднѣющіяся шелковицы, достигающія иногда 5 аршинъ въ обхватѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что по этому пространству нѣкогда раскинутъ былъ громадный городъ, который и въ старыхъ татарскихъ пѣсняхъ и у прежнихъ армянскихъ писателей не иначе называется какъ «великолѣпнымъ», *Şırwahıç* — (Медичи, № 491, стр. 326), блиставшимъ золотыми верхушками множества мечетей и минаретовъ. Нынѣ же издали на горизонтѣ городской полосы виднѣется лишь минаретъ мечети Узбека, да особнякомъ на пустырѣ, какъ разъ въ одной линіи съ русскою церковью, развалины какой-то другой огромной мечети.

Совершенно одинаковы съ этими послѣдними развалины еще одной мечети, находящіяся въ чертѣ городского строенія. Зданіе это было чрезвычайно

массивное по толщинѣ стѣнъ, высотѣ сводовъ, величественности портала. Особенность его конструкціи составляютъ контрфорсы у стѣнъ, чего не замѣтно въ другихъ сооруженіяхъ татарскаго стиля. Есть историческое извѣстіе, что египетскій мемлюкскій султанъ Бей-Барсъ въ 1288 году послалъ къ хану Беркѣ 2000 динаровъ денегъ и мастеровъ для постройки мечети въ Крыму (Сборникъ бар. Тизенгаузена, стр. 435). Можетъ быть, эти развалины и суть остатки той мечети, ибо она стилемъ своимъ сильно отличается отъ той мечети, которая несомнѣнно уже татарскаго строенія и стиля, а именно мечеть, построенная при знаменитомъ ханѣ Узбекѣ въ 714 = 1314 году, какъ гласитъ находящаяся на порталѣ этой мечети надпись. Два года тому назадъ мечеть эта была почти въ полномъ разрушеніи; теперь же она поправлена; но все же и въ исправленномъ даже видѣ фасадъ ея носитъ явные признаки разрушенія, постигшаго эту древность; особенно это выдаетъ безверхій донныѣ минареть мечети. Изображеніе фасада мечети на рисункѣ, приложенномъ къ тому XIII Записокъ Одесскаго Общ. Ист. и Древностей, кстати замѣтить, представляетъ мало сходства съ дѣйствительнымъ видомъ этого фасада; или же, можетъ быть, этотъ рисунокъ былъ снятъ при другихъ обстоятельствахъ. По краямъ портала имѣется рѣзной карнизъ, въ орнаментахъ котораго вплетены слова арабской надписи, теперь уже настолько вывѣтрившіяся, что ихъ разобрать нельзя. Но верхней части этого орнамента теперь совсѣмъ не существуетъ: она затерялась послѣ разрушенія фасада и при починкѣ его. Размѣры фасада слѣдующіе:

отъ крайнихъ фасада угловъ до портала 6 арш. 10 вершковъ;
 окна съ косяками имѣютъ 1 арш. 14 вершковъ квадратныхъ;
 порталъ шириною 5 арш. 12 вершковъ, причемъ входною нишею занято 2 арш. 12 вершковъ;
 длина боковыхъ стѣнъ мечети 25 аршинъ 4 вершка.

Рисунокъ орнамента, украшающаго входъ, въ свое время былъ очень красивый, но, вырѣзанный изъ мягкаго желтоватаго известняка, онъ попортился частію отъ тлетворнаго дѣйствія стихій, частію отъ разрушительныхъ инстинктовъ человѣческихъ, слѣды которыхъ можно усмотрѣть въ именахъ тѣхъ, чья рука нацарапала ихъ на этомъ памятникѣ. Но все же порталъ настолько сохранился, что по его орнаментамъ можно судить о великолѣпномъ художественномъ стилѣ его.

Надпись на порталѣ мечети была уже разъ издана въ арабскомъ текстѣ съ переводомъ г. Мурзакевичемъ въ «Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей». Мѣстный учитель татарскаго языка Анепи-челеби ее списалъ, а г. Негри перевелъ на русскій языкъ. Вотъ въ какомъ она тамъ видѣ представлена:

الحمد لله على الهداية وصلى الله على محمد (و خلفاه) فادا خلفا معمار هذا المسجد
العمرى في ايام دولت خان اعظم محمد ازبالي خلد الله ملكه العبد الضعيف المحتاج الى
رحمت الله عليه وعفى الغازى يوسف ابن ابراهيم ازبالي سنة اربع عشر سبعمات

т. е.: «Да будетъ благодареніе Всевышнему за руководство на путь истинный, и милость Божія на Мухаммедъ и его преемникахъ. Строитель сей мечети въ благополучное владычествованіе великаго хана Мухаммеда (да будетъ владычество его вѣчно!) смиренный рабъ нуждающійся въ милосердіи Божиёмъ, Абдуль-Гази-Юсуфъ сынъ Ибрагима Езбали. 714 гнджры (отъ Р. X. 1314 г.)» (Зап. Од. Общ., т. II, стр. 529).

Но ближайшее разсмотрѣніе этой надписи показало, что въ текстѣ и переводѣ, напечатанномъ г. Мурзакевичемъ, есть неточности. Надпись надлежитъ читать слѣдующимъ образомъ:

الحمد لله على الايه وصلى الله على محمد وخلفايه امر بعمارة هذا المسجد المبارك في
ايام دولت الخان الاعظم محمد ازبك خان خلد الله ملكه العبد الضعيف المحتاج الراجى
رحمة ربه وغفرانه عبد العزيز بن ابراهيم الاربلى في سنة اربع عشر وسبعمات الهلاليه ١

Въ русскомъ переводѣ это будетъ значить:

«Слава Богу за Его благодѣянія, и да благословитъ Богъ Мухаммеда и преемниковъ его! Повелѣно было воздвигнуть эту благословенную мечеть въ дни царствованія великаго хана, Мухаммедъ-Узбекъ-хана — да продлитъ Богъ владычество его! — рабу ничтожному, нуждающемуся, уповающему на милосердіе Господа своего и на всепрощеніе Его, Абду-ль-Азизъ-бенъ-Ибрагиму Аль-арбелю²⁾, въ годъ 714 лунный» (въ 1314 г. по Р. X.).

Внутренность мечети не представляетъ ничего особеннаго, но по конструкціи своей есть типъ крымско-татарскихъ мечетей съ плоскимъ деревяннымъ филенчатымъ потолкомъ, съ поперечными деревянными, торчащими въ трехъ стѣнахъ, по девяти въ каждой, балками для хоръ, или, какъ ихъ

1) Смори приложенные половинные снимки надписи №№ I и II.

2) Это прозваніе строителя мечети возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе своимъ арабскимъ начертаніемъ: если допустить, что точка, находящаяся надъ предлогомъ **في**, помѣщеннымъ какъ-разъ надъ буквою **ر**, относится также и къ этой послѣдней, а небольшой изъясъ въ верхней оконечности буквы **ل** принять за недостающую вершинку буквы **ك**, то слово **الاربلى** можетъ быть прочитано такъ: **الازبكى**, что будетъ значить «Узбекскій», или «Узбековецъ». Такъ оно было прочитано и мѣстнымъ муллою Абду-ль-Керимомъ, который, какъ я замѣтилъ, имѣетъ навыкъ въ разбираніи подобныхъ надписей. Тѣмъ не менѣе однако жъ за несомнѣнность этого послѣдняго чтенія нельзя безусловно ручаться.

называютъ татаре, маѣфиль. Потолокъ поддерживается четырьмя арками, на трехъ колоннахъ, величиною по $3\frac{3}{4}$ арш. съ капителями (по $\frac{1}{2}$ арш. приходится на капители). Разстояніе по перпендикуляру отъ пола до вершины арки 7 арш. 6 вершк. Въ вершинахъ арокъ видны кольца, къ которымъ, должно быть, привѣшивались лампы.

Михрабъ, понашему горнее мѣсто, сохранился очень хорошо, только краски, которыми былъ онъ расцвѣченъ, стерлись уже и едва примѣтны. Вышина его 6 арш. 12 вершковъ, а ширина 6 арш. $10\frac{1}{2}$ вершк. Обрамляющій его орнаментъ шириною въ 8 вершковъ и содержитъ въ себѣ мусульманское исповѣданіе въры: $\text{ا} \text{ل} \text{ل} \text{ل} \text{ل}$, заплетенное въ украшенія. Колонны его, величиною въ 3 арш. 10 верш. безъ капителей, обнаруживаютъ сходство съ колоннами портала, только работа ихъ потоньше, а капители кудрявѣе и красивѣе.

Окна въ мечети, какъ въ сѣверной фасадной стѣнѣ, такъ и въ противоположной ей южной, помѣщены очень низко, всего на 1 арш. 2 в. отъ полу — характерная черта татарскихъ построекъ вообще и мечетей частности.

Характерна также форма капителей на колоннахъ, поддерживающихъ арки: этотъ рисунокъ встрѣчается всюду въ Крыму въ соответственныхъ частяхъ старинныхъ зданій, равно какъ и форма самыхъ арокъ.

Крыша мечети обыкновенная въ два ската, образующая треугольникъ съ линіею потолка зданія. Съ южной стороны къ мечети примыкало довольно обширное зданіе, которое одни считаютъ за дервишское текье (монастырь), другіе за *медресе*. Размѣры занимаемой имъ площади 28 арш. 12 в. по направленію съ С. къ Ю. и 42 арш. съ В. къ З. При всемъ его разрушеніи, все же видны остатки большого зданія со сводомъ, одною своею частию примыкавшаго къ южной стѣнѣ мечети, а другою самостоятельно заканчивавшагося съ сѣверной стороны. Съ В. былъ, какъ видно, главный входъ, а вокругъ стѣнъ внутри двора были расположены 24 кельи со сводами и куполами, которые еще можно теперь замѣтить отчасти на юго-восточной части развалинъ и у сѣверной стѣны прежняго зданія.

На В. неподалеку отъ мечети Узбека находится сильно выдающіеся надъ поверхностью земли остатки фундамента какого-то крупнаго строенія, которое татаре считаютъ за монетный дворъ. По этому случаю можно развѣ замѣтить то, что монетные дворы составляютъ одну изъ слабостей нынѣшнихъ жителей Крыма, которымъ снятся и грезятся повсюду клады и старинныя деньги. Гдѣ-гдѣ только не указываютъ этихъ монетныхъ дворовъ— и въ Бакчѣ-Сараѣ, и въ Карасу-Базарѣ, и въ Старомъ-Крымѣ, и въ Эски-Сараѣ, близъ Симферополя. Но чеканка хавской монеты не составляла осо-

бенно выдающейся отрасли государственной дѣятельности ханскаго правительства; отдавая это производство на аренду карапмамъ, ханы не нуждались въ постройкѣ такихъ капитальныхъ зданій для монетныхъ фабрикъ, какія мы видимъ, напр., у насъ теперь.

Кромѣ вышеописанныхъ памятниковъ татарскаго происхожденія, есть въ Старомъ-Крыму еще одиѣ, тоже татарскія, развалины огромныхъ размѣровъ, которыя извѣстны у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «Ханъ-Сарай». Мѣстоположеніе его на южномъ склонѣ всей плоскости, занимаемой нынѣшнимъ городомъ, ближе къ холму Кемаль-ата. На краю западной стороны этого громаднаго зданія слѣва находится квадратная, точно будто башня, пристройка и брешь между нею и стѣною, какъ будто похожая на ворота, сквозь которыя виднѣется внутренняя сторона сѣверной части строения. Но такъ какъ южной стѣны совсѣмъ не существуетъ, ибо она разрушена обывателями, то и нельзя теперь навѣрное сказать, гдѣ былъ входъ въ Ханъ-Сарай. Нѣкоторые старожилы говорятъ, что ворота находились на юго-западномъ углу зданія и были украшены рѣзными косяками; но теперь всего этого и слѣдовъ нѣтъ. Есть неподалеку около одного дома огромный, въ сажень или болѣе, камень, весь испещренный рѣзбою и служащій нынѣ скамейкою для собесѣдничества сосѣдей съ хозяевами дома. Онъ-то, можно думать, и составлялъ нѣкогда принадлежность какой-нибудь строительной части Ханъ-Сарая, и всего скорѣе — воротъ.

Площадь этого зданія, имѣющая около ста саженей въ окружности, представляетъ неправильную форму параллелограмма, у котораго одинъ уголъ скошенъ въ видѣ сегмента.

Несуразность вида стѣнъ заставляетъ предполагать другое назначеніе зданія, которому онѣ принадлежали, а именно — не былъ ли это караванъ-сарай, или, какъ называютъ татаре подобныя зданія, *ханъ*, изъ чего вполнѣ слѣдствіи народное преданіе сдѣлало «ханъ-сарай», т. е. ханскій дворецъ. Высота стѣнъ, углубленія въ стѣнахъ снаружи, предназначенныя для укрѣпленія балокъ, на которыхъ лѣплятся обыкновенно чардаки, т. е. легкіе деревянные чуланчики, замѣняющіе наши номера гостинницъ, близость зданія къ той части города, гдѣ долженъ былъ находиться главный выѣздъ изъ него возлѣ Кемаль-ата, за которымъ лежитъ сейчасъ деревня Тамгаджи, такъ названная потому, что тутъ производился досмотръ и клейменіе всѣхъ ввозившихся въ городъ товаровъ — все это склоняетъ къ мысли, что это былъ не ханскій дворецъ, а караванъ-сарай. Одно развѣ, что можетъ служить въ пользу перваго мнѣнія, а именно то, что сейчасъ неподалеку отъ развалинъ, съ южной стороны протекаетъ рѣчка, которая во время весенняго разлива бываетъ довольно глубока и быстра, а пространство, остаю-

щееся между берегомъ русла ея и развалинами, заключаетъ въ себѣ нѣсколько довольно крупныхъ, старыхъ деревьевъ: можно полагать, что тутъ былъ садъ, расположенный на склонѣ по направленію отъ дворца къ рѣчкѣ — обыкновенная, любимая принадлежность татарскихъ дворцовъ въ другихъ мѣстахъ.

Къ замѣчательнымъ остаткамъ древностей принадлежатъ еще однѣ развалины, которые слывутъ въ народѣ за «Еврейскую школу». Доступъ внутрь ея находится съ сѣверо-восточнаго угла, образующаго брешь, но прежде тутъ былъ, вѣроятно, главный входъ въ зданіе, которое размѣромъ вдоль въ 22 шага, а поперекъ въ 18 шаговъ. Вокругъ и внутри развалины страшно поросли колючею травою, такъ что трудно пробираться къ нимъ и ходить внутри ихъ. Дѣйствительно, архитектурный стиль этого зданія не похожъ на татарскій, особливо форма главной ниши въ южной стѣнѣ; точно также довольно длинная и высоко расположенная въ западной стѣнѣ другая ниша не напоминаетъ собою никакой архитектурной подробности татарскихъ мечетей. Если къ этому присовокупить еще почитаніе, которымъ этотъ археологическій памятникъ пользуется у крымчаковъ и каравмовъ, а также находеніе неподалеку цѣлаго кладбища, которое тоже зовутъ тамъ «еврейскимъ кладбищемъ», что надо разумѣть въ смыслѣ «караимскаго», то придется признать справедливою народную молву, считающую эти развалины за іудейскую синагогу.

Нынѣшній Старый-Крымъ въ буквальномъ смыслѣ стоитъ на древностяхъ, которыя частію видны на поверхности, частію покоятся еще въ нѣдрахъ земли. Замѣчаніе г. Караулова, что будто бы «древнія развалины Старо-Крыма не многочисленны» (Зап. Од. Общ., XIII: 44—45) совершенно не основательно и не заслуживаетъ вѣры. Въ бытность мою въ Крыму нынѣшнимъ лѣтомъ, при проложеніи водопроводныхъ трубъ, тамъ наткнулись на какое-то большое подземное сооруженіе, которое по ближайшемъ разслѣдованіи оказалось подпольною печью огромныхъ прежнихъ татарскихъ бань. Такъ какъ это сооруженіе приходится какъ разъ посрединѣ улицы теперешняго города, то его опять закопали; а найденныя тамъ четыре мраморныхъ банныхъ вазы, или раковины, съ рѣзными украшеніями, валяются у одного армянина на дворѣ, купленные имъ неизвѣстно у кого-то по 10, кажется, копеекъ, за штуку. Точно такимъ же образомъ валяется подъ лавкою въ кабакѣ еврея Сруля превосходная мраморная доска, очевидно бывшая надгробнымъ памятникомъ, какъ показываетъ имѣющаяся на ней арабская надпись, съ современною Узбековой мечети датой.

Вообще Ст.-Крымъ долженъ былъ бы быть цѣлымъ музеемъ древностей, если бы не хищничество нынѣшнихъ его обитателей. Объ этомъ

можно судить даже по тому разнообразію небольшой коллекціи *татарскихъ надгробныхъ памятниковъ*, которые подобраны и снесены къ Узбековой мечети усердіемъ благочестивыхъ мусульманъ, спасающихъ надгробія своихъ предковъ отъ безцеремоннаго обращенія съ ними ихъ христіанскихъ соотечественниковъ.

Изслѣдуя древности Старога-Крыма нельзя миновать старинный армяно-грегоріанскій монастырь, находящійся въ верстахъ пяти отъ Ст.-Крыма къ ЮЗ. на горѣ, по которой надо подниматься около $\frac{3}{4}$ часа. Это — монастырь Св. Креста. Этотъ монастырь представляетъ видъ небольшой крѣпостцы, имѣющей входъ внутрь только съ одной южной стороны; калитка же, видящаяся со стороны сѣверной, продѣлана въ позднѣйшее время. По изслѣдованіямъ Минаса Бжешкьяна, монастырь этотъ построенъ въ 1338 по Р. Хр. (Путешествіе по Крыму. Венеція. 1830 г., № 489, стр. 324). Но потомъ въ немъ дѣлались пристройки и перестройки, какъ это показываютъ нѣкоторыя настѣнные надписи.

Видимый съ южной стороны, направо отъ входа, корпусъ образуетъ небольшой дворикъ, который отдѣляется отъ главнаго двора стѣною, чрезъ которую ведетъ дверь, а возлѣ каменная лѣстница наверхъ. Надъ этою дверью есть надпись армянская, въ которой сказано, что эта дверь, ведущая во второй дворъ, сооружена въ 1135 (+ 551) = 1686 году. У Минаса Бжешкьяна ошибочно сказано, что эта надпись находится надъ вышшею входною дверью (стр. 324, № 489): надъ этою дверью нѣтъ никакой надписи. Ниши, находящіяся во дворѣ направо отъ входа, суть мѣста канновъ нынѣ пересохшихъ или отведенныхъ въ другое мѣсто фонтановъ. Паперть у входа въ храмъ покрыта надгробными плитами надъ схороненными тутъ духовными особами, должно быть настоятелями этого монастыря, нынѣ не обитаемаго монашествующею братією.

Черезъ дверь вы входите прежде всего въ притворъ, представляющій типъ армянскихъ церквей Крыма въ архитектурномъ отношеніи. Надъ входомъ въ самый храмъ видно барельефное изображеніе Богородицы, увѣчанное таковымъ же орнаментомъ, тоже повсюду въ Крыму повторяющимся на архитектурныхъ памятникахъ, какъ, напр., на фасадѣ замка въ Манкупѣ, вокругъ оконъ и портала на гробницѣ Ненекэ-Джанъ-ханымъ въ Чуфутъ-Калэ, и др.

Двери, ведущія въ храмъ, состоятъ изъ двухъ половинокъ, покрытыхъ рельефною рѣзбою довольно грубой работы: ихъ никакъ нельзя равнять, ни по характерности и чистотѣ работы, ни по древности, съ дверьми въ армянской же церкви Св. Георгія въ Феодосіи, которыя, по преданію, вывезены армянскими переселенцами изъ города Ани въ Арменіи.

Въ притворѣ же въ правомъ углу находится каменная лѣстница, ведущая на колокольню, которая теперь имѣетъ видъ четверугольной башни съ плоскою покатою черепичною крышею. Форма крыши показываетъ, что колокольня, должно быть, обрушилась и потомъ была ремонтирована безъ сохраненія ея прежняго архитектурнаго стиля. Куполь надъ главнымъ храмомъ, приходящійся не надъ центромъ зданія, а надъ однимъ изъ клиросовъ, есть, повидимому, также позднѣйшее сооруженіе и вовсе несогласное съ первообразною формою храма, которая похожа, какъ всѣ почти старинныя армянскія церкви въ Крыму, на базилику. Замѣчательно, что арки не одинаковой высоты: вторая выше первой, и на ея-то парусахъ покоится церковный куполь. Орнаменты капителей колоннъ, поддерживающихъ арки, совершенно такіе же, какъ на капителяхъ колоннъ мечети Узбека въ Старомъ-Крыму. Солея храма, по обыкновенію, возвышается на 4 ступени надъ остальною частью храма.

Изъ старинной утвари можно было видѣть лишь одно кадило серебряное, оригинальной и чистой работы. Оно имѣетъ форму седми-верхаго храма, но *безъ крестиковъ* на ихъ куполахъ, вѣроятно потому, что мастеръ, работавшій эту принадлежность христіанской церковной утвари, былъ мусульманинъ, ибо его звали «Сулейманъ», какъ это изображено мусульманскими буквами на самомъ кадилѣ — سليمان. Кромѣ того, на кадилѣ имѣется еще вокругъ нижней чашки его надпись, въ которой есть дата 1140 = 1691 г.

Замѣчательна также картина «Тайной вечери» по своей художественной композиціи, ибо въ числѣ столовой утвари видны вилки и ножи, а также и по самымъ предметамъ потребленія, каковы длинненькіе и продолговатые предметы въ родѣ овощей. На картинѣ есть надпись, гласящая о томъ, что «картина эта (пожертвована, должно быть) въ память покойнаго Анана Матеса». Есть и дата 1833 года; но картина навидъ гораздо старѣе, хотя и не древность.

Есть въ этомъ храмѣ, по словамъ сторожа, древнія одежды и книги, но всѣ эти вещи были заперты, а ключъ находился у старо-крымскаго армянскаго священника.

Тотъ же сторожь сообщилъ, что въ притворѣ въ одномъ мѣстѣ подъ поломъ похоронено нѣсколько очень ужъ устарѣвшихъ иконъ, по распоряженію армянскаго епископа Матвѣя, который когда-то разъ посѣтилъ эту древнюю обитель, нынѣ совсѣмъ опустѣвшую.

Эта армянская древность, монастырь Св. Креста, представляетъ интересъ вособенности для исторіи города Крыма, который встарину назывался «Солхатъ» и «Сорхатъ» — именемъ, этимологическое значеніе котораго представляетъ немалое затрудненіе къ его объясненію. Обыкновенно

ищутъ тюркскихъ корней въ этомъ имени, въ чемъ повинны и сами туземные историки, какъ авторъ «Семи планетъ», передающіе легенду à propos своего объясненія прежняго наименованія Старога-Крыма. Мнѣ кажется, что этимологию имени «Солхатъ» надо искать въ армянскомъ языкѣ. Вотъ что говорится въ одной припискѣ къ древнему армянскому евангелію, хранящемуся въ Нахичевани и написанному 540 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1347 году. «Эта святая книга написана въ странѣ *Хонацъ* (*Հոնաց*; по объясненію арменистовъ это выраженіе надо понимать такъ: «въ странѣ грековъ»), которая нынѣ называется «Крымъ», въ большомъ, великолѣпномъ городѣ *Сурхатъ* (*սւրխաթ*), что *при подошвѣ горы Св. Креста* (поармянски: *Տուրն-Մառ*), въ патріаршество Мехитара и въ епископство Стефана въ 1347 году» (Бжешкьянъ, стр. 326). Кеппенъ говоритъ, будто бы армяне называли Старый-Крымъ *Газаратъ* (Кр. Сборникъ, стр. 344). Но Бжешкьянъ пишетъ, что *Газаратъ*, на основаніи армянскихъ источниковъ, былъ большой армянскій посадъ при подошвѣ горы Св. Креста, около рѣки того же имени, которая у татаръ называлась *Мугаль-Ўзень* (*Մուղալ Զօղէն*, что, вѣроятно, значить «Монгольская рѣка»). Въ древности тутъ сидѣлъ армянскій намѣстникъ (*Կողմապապ*), имѣвшій свое войско, чтобы защищать генуэзцевъ. Вотъ подлинныя слова древняго памятника: «Былъ тамъ благородный Маркаръ Мугаленць сынъ Тораса, Іакова, Данила, Мурата, Нахора, Теодора, который, по приказанію генуэзскаго князя Ширина, жилъ съ войскомъ на рѣкѣ Газаратъ, называвшейся на татарскомъ языкѣ Мугаль-Ўзень» (Бжешкьянъ, № 494, стр. 328). Ясно, что *Сурхатъ*, потомъ *Сулхатъ* и *Солхатъ*, первоначально образовано генуэзцами изъ армянскаго *Տուրն-Մառ* = Св. Крестъ, какъ называлась гора, у подошвы которой стояло сперва армянское селеніе *Газаратъ*, а потомъ великолѣпный татарскій городъ *Крымъ*, который генуэзцы по привычкѣ продолжали обозначать именемъ *Сурхатъ*, а татаре называли *Крымъ*, отчего потомъ и самый Таврическій полуостровъ сталъ именоваться также *Крымомъ*.

По пути изъ Старога-Крыма въ Карасу-Базаръ еще попадается нѣсколько древнихъ армянскихъ церквей, а именно двѣ въ Топлу: одна на горѣ, другая внизу, возлѣ дома нынѣшняго помѣщика Бычковскаго. Последняя гораздо старѣе первой: она совершенно выросла въ землю, но еще далека отъ разрушенія, будучи сложена изъ огромныхъ каменныхъ тесаныхъ плитъ. Но особенно замѣчательна церковь въ Орталанѣ. Она состоитъ изъ трехъ ковчеговъ съ тремя арками въ каждомъ и съ дубовыми поперечными перекладинами въ двухъ крайнихъ аркахъ. Входъ съ фасадной стороны сбоку. Вверху западной стѣны единственное окно. У средняго алтаря возвышается солея; въ боковыхъ ковчехахъ находится по абсидѣ, имѣвшей

назначеніе для сакристїи. Двери, ведущія въ абсиды, довольно низенькія, а теперь, когда церковь наполнена всякимъ соромъ, эти двери представляютъ двѣ низенькія лазейки. Въ нишахъ алтаря и абсидъ есть узенькія амбразурки. У двери лѣвой абсиды имѣется обычная въ армянскихъ церквахъ крестильная урна въ видѣ раковинообразнаго углубленія въ стѣнѣ съ изображеніемъ креста вверху. Зданіе внутри было оштукатурено очень крѣпкою и гладкою штукатуркою. Крыша на три ската изъ довольно толстыхъ и большихъ плитъ. У входной двери на лѣвомъ косякѣ видны остатки барельефнаго изображенія ангела во весь ростъ. Надъ дверью есть армянская надпись, поврежденная кѣмъ-то и содержащая въ себѣ память о строителѣ храма и времени постройки его, а именно 1700 г. (Бжешкьянъ, № 422, стр. 262). Длина церкви 17 арш. 10 вершковъ; ширина 11 арш. 10 в.; разстояніе отъ основанія до конька крыши по фасадной стѣнѣ 7 аршинъ слишкомъ.

Неподалеку отъ этой церкви къ З., въ томъ же саду г. Зотова, есть церковь греческая, отремонтированная помѣщикомъ, въ которой и совершается богослуженіе въ день Св. Георгія и Св. Ильи Пророка, память которыхъ празднуется окрестными жителями, стекающими сюда на праздникъ, сопровождающійся общественною трапезою и затѣмъ увеселительною борьбою — любимымъ зрѣлищемъ крымскихъ туземцевъ.

Любопытно, что на пространствѣ между этими двумя христіанскими храмами находится двѣ могилы несомнѣнно мусульманскія, въ чемъ я убѣдился какъ по формѣ надгробныхъ памятниковъ, такъ и вслѣдствіе раскопки одной изъ этихъ могилъ, произведенной мною 21 іюля.

Одна достопримѣчательная татарская древность существуетъ въ мѣстечкѣ, называемомъ Бакчэ-Или, между Орталаномъ и Карасу-Базаромъ, на разстояніи 8 верствъ отъ перваго и 12-ти отъ втораго. Мѣстечко это лежитъ въ долинѣ, по которой бѣжитъ довольно быстрая рѣчка. Къ СВ. на горѣ виднѣется татарская деревня Текъе, гдѣ есть татарское медресе, мечеть и довольно старое татарское кладбище. Къ Ю., также на горѣ, находится армяно-грегоріанскій монастырь Спаса, всѣ постройки котораго новыя, но на развалинахъ древняго сооруженія. Самый храмъ древній, но обновленъ и надстроенъ, какъ это можно замѣтить по трехъугольному очертанію въ верхней части фасада: все, что выше линіи этого треугольника, нанесено послѣ на древнюю базилику. Внутреннее устройство храма нѣсколько напоминаетъ архитектуру храма монастыря Св. Креста. Ковчегъ храма завершается двумя готическими полуарками, къ вершинамъ которыхъ идутъ скрещиваясь круглыя, рельефныя, высѣченныя изъ камня нервюры. На мѣстѣ пересѣченія ихъ есть медальонъ съ барельефнымъ изображеніемъ Агнца. По бокамъ алтаря вверху барельефныя изображенія — съ одной стороны

Архангела Гавріила, а съ другой — Пресвятой Дѣвы, осѣненной балдахиномъ съ короною. Слѣва надъ Нею изображеніе Св. Духа въ видѣ голубя. Въ алтарной нишѣ также есть барельефное медальонное изображеніе Агнца, обращеннаго головою вправо, тогда какъ на предыдущемъ изображеніи голова справа повернута назадъ. Позади алтаря есть абсида, въ которую надо проникать через маленькую лазейку. Изъ этой абсиды ведетъ лѣсенка теперь на чердакъ храма, а прежде это былъ ходъ, должно быть, на колокольню, которой болѣе не существуетъ.

Но самый любопытный памятникъ древности въ Бакчѣ-Или — это домъ мурзъ Ширинскихъ, находящійся въ самой долинѣ на берегу рѣчки. Умѣстныхъ жителей этотъ домъ извѣстенъ подъ названіемъ *Гѣкѣ-Сарай* — «Синій дворецъ» (См. рис. III). Времени постройки его никто не помнитъ. Даже самъ владѣлецъ его, Ахмедъ-шахъ Ширинскій, говорилъ, что ни отецъ, ни дѣдъ его не могли добиться точныхъ свѣдѣній о первоначальномъ возведеніи этой постройки. Въ народѣ есть о немъ сказочное преданіе, что у строившаго его архитектора будто бы выросли крылья, и онъ улетѣлъ на небо. Мурза же, по мѣстнымъ слухамъ, покинулъ его вслѣдствіе того, что въ этомъ его фамильномъ жилищѣ завелась нечистая сила, причинявшая безпокойство его семейству.

Отбросивъ въ сторону всѣ сказки и слухи, все же слѣдуетъ признать, что это — весьма оригинальное зданіе, представляя нѣчто странное въ своей архитектурѣ и вмѣстѣ являясь, едва ли не единственнымъ въ цѣломъ Крыму, типомъ старо-татарскаго барскаго жилища по внутреннему своему устройству. Сѣверную сторону дома составляетъ глухая, такъ сказать — задняя, стѣна его; западную — стѣна, которую можно назвать понашему лицевой, или фасадомъ зданія. Глухая стѣна, протяженіемъ въ 32 аршина 12 вершковъ, есть древнѣйшая часть всего зданія. Она сложена изъ сѣраго и желтоватаго известняка на цементѣ, толщиной въ 5 четвертей аршина, съ дубовыми продольными связями. На ней видны слѣды задѣланныхъ впоследствии четырехъ оконъ вверху и зыходившаго наружу балкона, тройныя дубовыя балки котораго торчатъ еще доселѣ; балконная дверь тоже задѣлана глинобитнымъ способомъ, и въ образовавшейся чрезъ это стѣнкѣ оставлено татарское окно съ перпендикулярными деревянными рѣшетинами, какія видны и въ нижнихъ окнахъ фасада. Разстояніе стѣны до балкона съ одной стороны 14 арш., а съ другой 14 арш. 14 вершковъ. Углы стѣны сдѣланы изъ сѣрыхъ плитъ довольно крупнаго размѣра. Замѣчательно, что подобная кладка идетъ вокругъ всего зданія на разстояніи 2 арш. 10 вершковъ отъ земли, образуя сплошной фундаментъ одновременнаго со стѣною происхожденія. Пространство между почвою и поломъ дома представляетъ правильные ряды дубовыхъ колоннъ, подпирающихъ дубовыя же подушки, на

которых покоятся стычныя балки, служація основаніемъ пола. Фасадъ зданія, протяженіемъ въ 12 аршинъ 10 вершковъ, сложенъ изъ мелкаго кирпича, проложеннаго между деревянными связями; пространство же между кирпичными простѣнками, по линіи оконъ, задѣлано калыпомъ, т. е. хворостиннымъ плетнемъ съ глинобитною массою. Та же часть зданія, которая образуетъ какъ бы пристройку, пониже главнаго корпуса, вся сплошь калышъ.

Съ надворной стороны видъ дома заслоняютъ густыя деревья, кромѣ главнаго входа, представляющаго открытый навѣсъ подъ общюю съ домомъ крышею. Прежняя широкая лѣстница снесена и замѣнена теперь простою узенькою, взятою отъ какой-то другой постройки. Облупившіяся перила открытой галлерей даютъ понятіе о свойствѣ калыпныхъ частей зданія, которыя составляютъ, очевидно, позднѣйшій элементъ троякой архитектурной системы. Темная полоса потолка отображаетъ слѣды древней татарской потолочной орнаментики, состоящей въ томъ, что вся площадь потолка раздѣлена на квадратики, раскрашенные черною и бѣлою красками. Тутъ же виднѣется аркообразное очертаніе ввѣшной перегородки, за которою существуетъ стѣна съ окномъ налѣво и съ дверью направо. Эта дверь ведетъ въ кухню, которая освѣщается тѣмъ самымъ окномъ, что сдѣлано въ глухой стѣнкѣ, образовавшейся изъ прежней балконной двери. Налѣво изъ галлерей, черезъ коротенькій корридоръ и низкую дверь, вы входите въ главный покой дома, составлявшій нѣчто въ родѣ залы — то что у татаръ зовется конакомъ. Внутренность этой залы — самая оригинальная часть дома. Въ лицевой стѣнѣ, противоположной входу, четыре окна, по два одно надъ другимъ. Нижнія окна съ деревянными рѣшетинами, а верхнія съ деревянными же кѣфсами (восточными жалузи). Справа видны: вверху задѣланное окно большой старинной стѣны, подъ нимъ двустворчатый стѣнной дубабъ (шкафъ), а возлѣ него оригинальный восточный конусообразный каминъ, часть котораго отобрана и обращена въ каминъ въ другой комнатѣ дома. Стѣны оштукатурены и выкрашены были бѣлою клеевою краскою. Потолокъ сдѣланъ изъ тоненькихъ дощечекъ, раздѣленъ на квадратики деревянными штапиками и выкрашенъ темно-коричневою и темно-синюю красками. Вокругъ же него шла сплошная трафаретная гирлянда, которая недавно выломана владѣльцемъ для балкона, выстроеннаго имъ въ своемъ домѣ въ Карасу-Базарѣ. Точно также разобраны имъ и прежнія хоры, которыя шли по стѣнѣ направо отъ входа, на супротивъ фасадной стѣны и представляли сплошную клѣтку изъ позолоченнаго кѣфаса, такъ какъ хоры эти предназначались для невидимаго присутствія въ залѣ особъ женскаго пола въ залѣ, гдѣ собирались, по татарскому обычаю, ояи лишь мужчины.

Планъ полнаго распредѣленія жилыхъ помѣщеній чрезвычайно оригиналенъ по своей причудливой безпорядочности и отсутствію симметріи.

Въ нѣкоторыхъ комнатахъ сдѣланъ второй потолокъ, калыпомъ и пониже перваго, теплоты ради. Полъ на открытой галлерей и въ главной залѣ изъ каменной плиты, въ прочихъ же комнатахъ глиняный. Кухня, очевидно, раздѣляла зданіе на двѣ половины — на мужскую влѣво, и на женскую вправо.

Видимо, что сѣверная стѣна и фундаментъ принадлежали какому-то строенію *не-татарскому*. Существованіе наружнаго балкона показываетъ, что это не было вообще зданіе азіатское, а европейское. Стало быть, оно принадлежало когда-нибудь европейскимъ колонистамъ Крима, а по вытѣсненіи послѣднихъ досталось татарамъ, которые и приспособили его къ собственнымъ потребностямъ и вкусу. Только странно, что кромѣ одной сѣверной капитальной стѣны не замѣчено остатковъ подобныхъ же стѣнъ въ другихъ частяхъ строенія, которыя сплошь состоятъ изъ непрочныхъ кирпичныхъ или глинобитныхъ тоненькихъ стѣночекъ, покрытыхъ однако же довольно грузною черепичною крышею, общеою для всего зданія.

НВ. Хозяинъ этого дома, Ахмедъ-шахъ Ширинскій увѣрялъ меня, что онъ въ скоромъ времени приступитъ къ разломкѣ его, чтобы выручить рублей 300—500 отъ продажи прекраснаго матеріала этого стариннаго зданія — камня и дубовыхъ балокъ.

Одновременно съ обозрѣніемъ старинныхъ архитектурныхъ памятниковъ, я ксати сдѣлалъ нѣсколько раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ Крима, не задаваясь при этомъ какими-либо самостоятельными изслѣдованіями, а такъ сказать, только въ видѣ провѣрки тѣхъ данныхъ объ извѣстныхъ историческихъ мѣстностяхъ и кладбищахъ, которыя сообщаются прежними учеными изслѣдователями, для разрѣшенія поставленныхъ ими вопросовъ или высказанныхъ предположеній. Такъ, между прочимъ, еще знаменитый Палласъ, обративъ вниманіе на кладбище, находящееся близъ деревни Токлукъ, по пути въ д. Козь, и описавъ общій видъ этого кладбища, въ заключеніе говоритъ: «Татаре считаютъ эти могилы еврейскими; но онѣ, кажется, принадлежатъ какому-то другому древнему и немногочисленному народу» (*Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Vol. II, 231*). Видѣнныя имъ подобныя же могилы въ землѣ черноморскихъ казаковъ онъ считаетъ черкесскими (*Ibidem, 279*). Кеппенъ повторяетъ слова Палласа, но, не видѣвши описываемаго имъ кладбища, не прибавляетъ отъ себя никакихъ

комментаріевъ (Кр. Сб., 33—34). Это-то предположеніе Палласа и требовало провѣрки путемъ раскопокъ, которыя я и рѣшился сдѣлать въ настоящую свою нарочитую туда поѣздку.

Еще по дорогѣ въ Токлукъ я встрѣчалъ въ двухъ мѣстахъ тѣ длинныя, водруженныя стоймя камни, про которыя говорятъ Палласъ и Кеппенъ. Они величиною до 4 аршинъ, толщиною вершка въ 3—4, а шириною вершковъ 8. Такихъ длинныхъ, какіе видѣлъ Палласъ, въ двѣ сажени, мнѣ не встрѣчалось въ тѣхъ мѣстахъ, которыми и я проѣзжалъ въ этотъ разъ. Палласъ считаетъ ихъ пограничными столбами; но Кеппенъ сомнѣвается въ этомъ, будучи, вѣроятно, склоненъ считать ихъ надгробными. «Камни эти», говоритъ онъ, «именуются у татаръ *текиль-таиш* отъ слова *тикъ*, крутой, вертикальный, или *тикмэ* (ставить) и *таиш* (камень)».

Теперь татаре эти же самые камни называютъ *имдже-таиш* и толкуютъ двояко: то говорятъ, что это значитъ «дядинъ камень», отъ *имдже* = «дядя», то — «тонкій камень», отъ *имдже* = «тонкій». Последнее толкованіе ровно ничего не объясняетъ; первое же они основываютъ на томъ, что будто бы эти и подобныя имъ камни были водружаемы какими-нибудь «дядями», понашему старожилами, въ видѣ какихъ-то пограничныхъ или иныхъ знаковъ. Но у нихъ и тѣни нѣтъ подозрѣнія, чтобы эти камни были могильные. Равнымъ образомъ и мнѣ мѣста нахождения этихъ камней не показались похожими на могилы, хотя въ одномъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ одного камня я и видѣлъ яму въ родѣ могилы, подвергнутой раскопкѣ, и по этому-то самому не могъ судить о первоначальномъ, нетронутомъ видѣ возбуждающаго подозрѣніе мѣста.

По прибытіи въ Токлукъ я спросилъ у мѣстныхъ жителей-татаръ, гдѣ тутъ находятся черкесскія или еврейскія могилы, придерживаясь терминологіи Палласа. Но мнѣ сказали, что ни черкесскихъ, ни еврейскихъ могилъ нѣтъ, а есть *казацкія* — *казахъ мазары*. Такъ какъ «казаками» татаре зовутъ насъ, русскихъ, то, значитъ, мнѣ предстояло имѣть дѣло съ кладбищемъ нашихъ предковъ. Но вѣдь и Палласъ не самъ же придумалъ для этихъ могилъ названіе еврейскихъ, слѣдовательно тутъ произошло подновленіе имени, и, значитъ, на немъ нельзя основывать никакихъ этнографическихкихъ соображеній насчетъ народа, которому принадлежитъ кладбище. Оставалось возложить все упованіе на раскопки, которыя я принимался производить два раза.

Предварительно мы съ фотографомъ съѣздили въ лежащее въ верстахъ въ восьми отъ деревни широкое ущелье, называемое потатарски *Богазъ* (Горло, ущелье), которымъ заканчивается, по направленію къ морскому берегу, рав-

нина. Тамъ мы видѣли несомнѣнные остатки фундамента капеллы, формою сходной съ прочими армяногреческими церковными строеніями въ Крыму, а по обѣимъ сторонамъ у подошвъ горъ, образующихъ ущелье, замѣтны слѣды прежнихъ каменныхъ строеній. Но природный плитнякъ, которымъ покрыта вся эта мѣстность, до такой степени правильной формы, что легко ошибиться и принять естественные предметы за остатки человѣческаго искусства. Поэтому только глубокія раскопчныя изслѣдованія могли бы вывести изъ сомнѣнія; но это не входило въ мою задачу, и мы, вернувшись къ мѣсту находенія такъ называемаго «казацкаго кладбища», сперва приступили къ фотографированію этой мѣстности съ двухъ противоположныхъ сторонъ—по направленію отъ первой раскопанной потомъ могилы къ деревнѣ Токлукъ, съ СЗ. на ЮВ. и, наоборотъ, по направленію отъ могилъ къ морю, чтобы схватить на рисункѣ торчащіе на равнинѣ въ трехъ мѣстахъ каменные глыбы, которыя всѣ носятъ разныя наименованія: крайняя влѣво называется *Параланыкъ-кая* (Разсыпчатая скала); правѣе три глыбы рядомъ называются *Учь-таиш* (Три камня), и еще правѣе одна глыба — *Юмала-таиш* (Круглый камень).

Окончивъ фотографическую работу, мы начали раскопку при содѣйствіи десяти человѣкъ татаръ. По правдѣ сказать, раньше меня заботила мысль о томъ, какъ татаре отнесутся къ такому моему предпріятію, какъ раскопка могилъ. Особенно эта мысль невольно приходила въ голову послѣ того, какъ я уже разъ въ Феодосіи подвергся громкимъ нареканіямъ русскихъ женщинъ, когда пытался достать торчавшій на самомъ обрывѣ оврага близъ города какой-то черепъ, смытый туда, должно быть, дождями изъ сосѣдняго татарскаго кладбища. Видѣвшія мои домогательства съ сосѣднихъ дворовъ россиянки начали осypать меня упреками — что, какъ, молъ, не грѣхъ трогать кости —, и даже грозили довести объ этомъ до свѣдѣнія полиціи. Въ виду предполагаемыхъ неприятностей при раскопкахъ со стороны татаръ, да еще въ такой захолустной деревнѣ, какъ Токлукъ, я прибѣгъ къ излишней предосторожности въ видѣ проводничества мѣстнаго урядника. Но татаре оказались въ этомъ отношеніи гораздо благоразумнѣе и менѣе фанатичны, нежели наши феодосійскія соотечественницы. Съ полною готовностью и охотою они вызвались производить подъ моимъ руководствомъ раскопки, тѣмъ болѣе что могилы были не мусульманскія, а «казацкія», а мѣстный мулла, симпатичный старикъ, по моей просьбѣ, даже сократилъ свою пятничную службу, чтобы дать возможность своимъ прихожанамъ пораньше освободиться и отправиться на работу, за которую имъ неприлично было приниматься до молитвы.

Разрыто было три могилы, изъ которыхъ двѣ были продолговатой

формы и расположены, как всё вообще могилы этого кладбища, съ Ю. на С., а третья квадратная. Раскапывали прямо внутреннее пространство, обозначенное четырьмя линиями торчавших на поверхности реберъ камней, которые образовали собою четырехстороннія могилы. Сперва предполагалось произвести рытье аккуратными и послѣдовательными слоями; но это оказалось положительно невозможно: дотога тверда земля этихъ могилъ, дотога она перемѣшана съ камнями, иногда довольно крупными, и притомъ набросанными въ самомъ безпорядочномъ видѣ.

Начавши вести подробный журналъ хода раскопокъ, скорѣ пришлось отказаться отъ этого, потому что содержимое могилъ не представляло ни малѣйшаго признака какого-либо порядка въ своемъ расположеніи. Уже на глубинѣ полъ-аршина показались кости. Въ одной могилѣ въ самой ея срединѣ нашлись кости ножныя, къ южной сторонѣ шесть зубовъ, а близъ нихъ кость ручная и реберная. Въ срединѣ другой могилы, на той же глубинѣ, найдена хребтовая кость и берцовая, а также небольшая челюстная косточка какого-то животнаго изъ породы грызуновъ. Въ третьей могилѣ, на той же глубинѣ, въ западной ея половинѣ оказались различныя кости и зубы въ большомъ количествѣ. Въ срединѣ ея попались тонкія черепныя косточки дѣтской головки, а къ южному ея краю нашолся черепъ взрослога человѣка; но онъ не могъ быть вынутъ цѣликомъ, такъ какъ сильно истлѣлъ и потому разсыпался вмѣстѣ съ комками глинистой земли, къ которой онъ сильно присохъ.

Продолжая углублять могилы, мы потомъ встрѣчали отдѣльные небольшіе кусочки совершенно истлѣвшихъ костей; затѣмъ въ западной части первой могилы найдена еще одна человѣческая челюстная кость съ нѣсколькими зубами. Нѣкоторыя же кости, повидимоу, принадлежатъ животнымъ, а не человѣку. Въ двухъ могилахъ меньшаго размѣра не найдено никакихъ вещей, хотя земля тщательно была развинаема и потомъ просѣваема сквозь большое рѣшето. Но въ большой могилѣ, надо полагать — фамильной, при просѣваніи земли нашлись слѣдующіе предметы: два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, одинъ совершенно цѣлый, другой наполовину испорченный; двѣ сережки синяго стекла пирамидальной формы съ дырочками въ вершинкахъ ихъ; одна буса синяя стеклянная и три бусы изъ какой-то массы желтоватаго цвѣта, которая легко крошится.

Углубивши могилы на аршинъ съ небольшимъ, мы убѣдились, что дошли до дна ихъ, и что рытье дальше было бы совершенно бесполезно. Внутреннее измѣреніе могилъ показало, что первая могила имѣла вдоль 2 аршина 2 вершка, а въ ширину всего 1 аршинъ 9 вершковъ; вторая — въ длину имѣла 2 аршина 12 вершковъ, а въ ширину 1 аршинъ 9 верш-

ковъ; третья имѣла въ длину 3 аршина, а въ ширину 2 аршина, 10 вершковъ. Могилы внутри по бокамъ обложены огромными цѣльными плитами мягкой сланцовой известковой породы, которыя образуютъ собою какъ бы ящики или колоды съ торчащими на одинъ или два вершка надъ поверхностью земли краями. На одной могилѣ, меньшаго размѣра, сверху лежала также большая плита сѣраго песчаника, длиною въ 2 аршина 5 вершковъ, шириною въ полтора аршина, и толщиною въ 5 вершковъ, треснувшая пополамъ; двѣ другія могилы были безъ плитъ; ихъ не существуетъ и вообще на прочихъ могилахъ этого кладбища.

Таковъ былъ результатъ первой раскопки. Такъ какъ могилы были разрыты нами прямо въ объемѣ линий, обозначенныхъ краями могильныхъ камней, то у меня возникло сомнѣнiе относительно того, что не вслѣдствiе ли такого простаго приѣма раскопки содержавшiяся въ могилахъ кости получились въ раздробленномъ и беспорядочномъ видѣ. Кромѣ того, мы копали только въ одномъ участкѣ кладбища, а тамъ неподалеку, на разстоянiи приблизительно четверти версты по направленiю къ В. отъ мѣста нашей раскопки, находится другой участокъ могилъ точно такого же типа, на рѣзко очерченной обрывомъ возвышенности, носящей специальное наименованiе *Сары-кая* (Жолтая скала). Чтобы устранить это сомнѣнiе, я рѣшился вторично посѣтить эту мѣстность и произвести опять раскопку уже съ соблюденiемъ самыхъ тщательныхъ предосторожностей, сколь это ни было затруднительно, благодаря необычайной твердости и комковатости почвы, перемѣшанной съ каменникомъ. Поэтому я опять сѣздилъ въ Токлукъ для вторичныхъ изслѣдованiй.

На участкѣ Сары-кая могилы расположены въ большемъ, чѣмъ около Параланыкъ-кая, порядкѣ: онѣ идутъ рядами отъ З. къ В. Очертанiя могилъ дѣлали ихъ навидъ продолговатыми отъ С. къ Ю. и притомъ какъ будто различной величины: въ однихъ рядахъ онѣ казались большаго размѣра, въ другихъ меньшаго. Для вскрытiя были выбраны двѣ самыя навзглядъ большiя. Онѣ были сперва обрыты на аршинъ пространства вокругъ камней, образующихъ стѣны могилъ. Земля оказалась комковатой глинисто-известковой породы, и въ ней также было немало большихъ каменевъ, которые, вѣроятно, навалены были для того, чтобы поддерживать плиты, образующiя собою могильныя коробки. Когда могилы были такимъ образомъ совсѣмъ обнажены, то настоящая длина ихъ сократилась почти на треть: при измѣренiи ихъ по линиямъ торчавшихъ на поверхности плитъ онѣ имѣли — одна могила 2 аршина, 12 вершковъ въ длину, и 1 аршинъ 4 вершка въ ширину; а другая — 2 аршина 13 вершковъ въ длину и 1 аршинъ въ ширину; въ дѣйствительности же въ первой могилѣ оказалось

только уже 1 аршинъ 14 вершковъ въ длину, а въ другой 2 аршина съ вершкомъ въ длину, ибо подъ верхнимъ слоемъ земли оказалось еще по одной плитѣ въ наклонномъ къ серединѣ могилъ положеніи.

Когда были отняты плиты, образующія самыя коробки могильныя, то содержимое ихъ, при самомъ аккуратномъ разгребаніи руками, представало въ такомъ же точно видѣ, какъ и при прежней раскопкѣ: мы нашли совершенно истлѣвшія отдѣльныя человѣческія кости, сложенныя въ кучу и вперемежку съ камнями, да нѣсколько кусочковъ древеснаго угля. Вещей не найдено никакихъ, при самомъ внимательномъ осмотрѣ содержимаго могилъ. Стало несомнѣнно, что и могилы участка Сары-кая совершенно тождественны съ таковыми же, находящимися на участкѣ Параланыкъ-кая.

Такимъ образомъ полученныя отъ этихъ раскопокъ данныя не настолько оказались богаты, чтобы изъ нихъ можно было вывести опредѣленное и положительное заключеніе относительно народности, которой принадлежатъ могилы. Такъ какъ на костяхъ не замѣтно признаковъ сожженія, то беспорядочность ихъ нахожденія, а также смѣсь могильной земли съ каменникомъ, едва ли не слѣдуетъ приписать ограбленію могилъ. Это, повидимому, подтверждается также и тѣмъ фактомъ, что теперь могилы всѣ почти безъ верхнихъ плитъ, тогда какъ еще Палласъ видѣлъ многія изъ нихъ покрытыя сверху плитами.

Но любопытно вотъ какое обстоятельство, сообщаемое въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Недавно въ окрестностяхъ Симферополя открыто также древнее кладбище, могилы котораго, по описанію, совершенно такія же, какъ и токлукскія, съ тою развѣ особенностью, что онѣ сверху покрыты огромными каменными глыбами. Найденныя въ этихъ могилахъ кости представились изслѣдователямъ ихъ въ подобномъ же беспорядочномъ и истлѣвшемъ видѣ. Замѣчательно, что нѣкоторыя вещи, оказавшіяся въ этихъ могилахъ, также обнаруживаютъ большое сходство съ найденными въ одной изъ могилъ токлукскихъ, какъ-то: бронзовый наконечникъ стрѣлы, стекляныя бусы сянго цвѣта, и нѣкоторыя изъ нихъ пирамидальной формы (то, что я называлъ выше сережками), и янтарныя бусы. Изслѣдователи этихъ могилъ полагаютъ, что эти могилы принадлежатъ скиѣскому племени («Новое Время», № 3863, стр. 3).

Въ бытность мою въ Орталанѣ, 21-го іюля, когда я осматривалъ древнюю греческую и армянскую церкви, находящіяся неподалеку одна отъ другой въ саду г. З. К. Зотова, меня заинтересовало нахожденіе на пространствѣ между этими церквами одного надгробнаго памятника безъ надписи, который своею формою никакъ не походилъ на памятникъ христіанскій, и мнѣ захотѣлось опредѣлить его принадлежность посредствомъ раскопки, на которую я безпрепятственно получилъ разрѣшеніе отъ весьма любезнаго владѣльца сада.

Надгробный памятникъ изъ мягкаго желтоватаго известняка, называемаго *азаматскимъ*, по мѣсту добыванія его близъ деревни Азамать въ 14 верстахъ отъ Карасу-Базара, былъ вышиною отъ земли въ 5 четвертей, не считая 13 вершковъ, врытыхъ въ землю, шириною въ 15 вершковъ, толщиною въ 4 вершка; имѣлъ по бокамъ вверху и внизу по карнизу, а съ одной своей верхней стороны тумбообразный четырехсторонній рогъ вышиною въ 12 вершковъ и толщиною въ 4 вершка, обращенный къ востоку. Раскопка началась обрытіемъ земли вокругъ камня на пространствѣ въ размѣръ могилы взрослога человѣка. Почва и тутъ оказалась точно такого же состава, какъ и въ токлукскихъ могилахъ. Но на глубинѣ полуторыхъ аршинъ стали попадаться отдѣльныя части скелета, и именно въ сторонѣ къ С. отъ мѣстонахожденія памятника, который, слѣдовательно, былъ поставленъ не надъ самымъ покойникомъ. Когда раскопка продолжена была въ сѣверномъ направленіи, то вскорѣ показалось обычное темное пятно — признакъ находенія костяка. Кости были сильно истлѣвшія; черепъ тоже не могъ быть извлеченъ цѣликомъ; но положеніе его лицомъ къ Югу, правымъ вискомъ къ землѣ, а лѣвымъ къ поверхности, убѣдило меня въ томъ, что онъ принадлежалъ мусульманскому покойнику, вслѣдствіе чего мало было надежды на какія-либо вещественныя находки, такъ какъ мусульмане хоронятъ своихъ покойниковъ безъ всего, исключая одного савана, въ который завертывается тѣло. Когда я послѣ того сдѣлалъ прогулку на возвышающійся къ В. отъ сада г. Зотова холмъ, именуемый Тапшанъ, то и на немъ также нашелъ одинъ подобный намогильный памятникъ, только въ лучше сохранившемся видѣ. Онъ былъ такихъ же почти размѣровъ, и также съ однимъ рогомъ у одного бока и безъ всякихъ слѣдовъ надписи. Но не вдалекѣ я замѣтилъ каменную тумбу съ чалмообразною верхушкою, а въ то же время на другомъ боку вершины памятника замѣтны были слѣды какъ будто излома. Я попробовалъ приставить тумбу, и она какъ разъ пришлась по мѣсту излома: очевидно было, что она нѣкогда составляла принадлежность памятника. Такимъ образомъ стало несомнѣнно, что памятники этого типа принадлежатъ мусульманскимъ могиламъ, но только они представляютъ одну изъ старѣйшихъ формъ татарскихъ надгробій въ Крыму. Сами татары не умѣютъ точнѣе опредѣлить свойства этихъ памятниковъ: одни говорили мнѣ, что это, должно быть, «могилы батырей»; другіе называли ихъ «ногайскими могилами». Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго, что при вскрытіи другихъ могилъ съ подобными надгробіями окажутся какіе-нибудь и предметы прежняго народнаго быта татаръ, обитавшихъ въ средней полосѣ Крыма и въ степныхъ его мѣстностяхъ.

Послѣдняя раскопка произведена была въ Старомъ-Крымѣ. У подошвы

холма Кемаль-ата съ южной стороны, на пространствѣ, составляющемъ одно цѣлое съ площадью, на которой когда-то былъ раскинутъ знаменитый г. Крымъ, есть кладбище. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ не совсѣмъ правильныхъ рядовъ огромныхъ плитъ около четырехъ аршинъ длины, болѣе аршина ширины и вершковъ пяти толщины. Плиты неправильной формы и безъ всякой отдѣлки или украшеній и расположены въ продольномъ направленіи съ С. къ Ю. Надписей на нихъ также не оказалось, при самыхъ тщательныхъ поискахъ. При посѣщеніи моею этого кладбища три года тому назадъ хозяинъ находящейся невдалекѣ мельницы, русскій, сообщилъ мнѣ, что эти могилы называются *джевизскія*, т. е. генуэзскія. Въ нынѣшній же разъ татары мнѣ назвали эти могилы *чуфутскими* (چفوت مزارى), т. е. еврейскими.

Для точнѣйшаго опредѣленія принадлежности кладбища и произведена была раскопка. Сперва, въ видѣ пробы, была разрыта, путемъ простаго колодецеваго углубленія, небольшая могила, которая оказалась не очень глубокою и, судя по величинѣ найденныхъ костей, дѣтская. Затѣмъ была выбрана могила съ плитою, совсѣмъ вросшею въ землю. Огромная плита съ величайшимъ трудомъ была вытащена съ своего мѣста шестью рабочими. Земля вынималась вокругъ мѣста нахождения плиты на пространствѣ болѣе аршина, такъ что при окончаніи раскопки получилась яма въ четыре слишкомъ квадратныхъ аршина. Могила оказалась глубже трехъ аршинъ. Вокругъ предполагаемаго мѣста нахождения костяка выбрано было болѣе полсотни сильно изржавѣвшихъ гвоздей со шляпками, которыми, очевидно, былъ сколоченъ гробъ, но ни малѣйшихъ признаковъ дерева. На самомъ днѣ могилы, при осторожномъ сметаніи земли вѣникомъ, показался скелетъ мужчины въ необыкновенной сохранности, за исключеніемъ волосъ, изъ которыхъ нашолся лишь крошечный клочокъ бороды. Вещей не найдено никакихъ.

Вся обстановка погребенія — положеніе покойника головою на Сѣ-веръ, съ вытянутыми по бокамъ руками, въ деревянномъ гробѣ — показываетъ, что это кладбище — караимское. Одно только удивительно — это отсутствіе на плитахъ надписей, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность всѣхъ караимскихъ могилъ, напримѣръ, въ Чуфуть-Калэ и въ Манкунѣ. Правда, и Минасъ Бжешкьянъ говоритъ въ своемъ описаніи Старога-Крыма, что «съ древнихъ временъ тамъ поселились еврей-караимы, какъ показываютъ ихъ памятники и могилы; что тамъ нашлась могила ихъ законоучителя (въ армянскомъ текстѣ: *օրհնարի*) врача Аарона, на которой написано 5054, что указываетъ на давность 537 лѣтъ»; а это составитъ, по армянскому лѣтосчисленію, 1293 годъ по Р. Х., считая отъ 1830 года, когда напечатана книга путешествія Минаса (Op. cit., № 488, стр. 323). Но онъ не указываетъ, гдѣ расположено было извѣстное ему караимское

кладбище, и, частности, въ какомъ мѣстѣ найдена вышеозначенная могила врача Аарона.

Кромѣ того кладбища, гдѣ произведена была мною раскопка, усмотрѣно еще другое, почти въ чертѣ города, неподалеку отъ Ханъ-Сарая, которое тоже, должно быть, караимское, судя по положенію и формѣ надгробныхъ плитъ. Оно занимаетъ невысокій холмъ, на самой вершинѣ котораго я замѣлилъ кѣмъ-то разрытую могилу, на днѣ которой видно было покойничье вмѣстилище изъ большихъ и хорошо обдѣланныхъ каменныхъ плитъ. Можетъ быть, надъ этою могилою, повидимому непростою покойника, стоялъ какой-нибудь памятникъ; но предупредившее нашу любознательность разрушеніе лишило насъ возможности произвести тутъ какія-либо изысканія.

Послѣ вышеописанныхъ раскопокъ я предполагалъ произвести такое же провѣрочное изслѣдованіе въ *Бія-Сала* на кладбищѣ, которое, по свидѣтельству г. Е. Маркова, будто бы у мѣстныхъ жителей извѣстно подъ именемъ *ютвейскаго* (Очерки Крыма, стр. 453—456). Къ этому меня побуждало, между прочимъ, заявленіе г. Маркова, что будто бы «Кеппенъ ни слова не говорилъ собственно о бія-сальскихъ гробницахъ, которыхъ, кажется, не видалъ еще никто изъ нашихъ ученыхъ». Но, по всей видимости, Кеппенъ, говоря о надгробіяхъ, видѣнныхъ имъ въ д. Улу-Сала, разумѣлъ таковыя же, находящіяся и въ Бія-Сала, такъ какъ обѣ деревни находятся на разстояніи какихъ-нибудь 5 верстъ одна отъ другой, и самъ же онъ помѣщаетъ въ своемъ Сборникѣ грубую копию неразобранной имъ надписи на одной плитѣ, находящейся въ Бія-Сала, какъ онъ говоритъ, «при развалинѣ верхней греческой церкви Іоанна Крестителя, съ сѣверной стороны, длиною въ $2\frac{1}{4}$ арш., а шириною въ 14 вершковъ» (Крымскій Сборникъ, стр. 22—23, пр. 33). Быть не можетъ, чтобы онъ не обратилъ вниманія на лежащую къ В. отъ этой церкви гору, занятую кладбищемъ, именуемымъ у г. Маркова *ютвейскимъ*, тѣмъ болѣе что онъ потомъ при случаѣ опять упоминаетъ о кладбищѣ въ Бія-Сала (*Ibid.*, 36).

Церковь Іоанна Крестителя теперь реставрирована усердіемъ одного изъ богатыхъ жителей деревни, заселенной нынѣ исключительно одними русскими. Въ алтарной абсидѣ имѣется хорошо сохранившаяся старинная фреска, содержанія которой я не могъ хорошенько опредѣлить вслѣдствіе темноты рисунка и отсутствія дневного свѣта, при одномъ восковомъ огаркѣ; но, кажется, тамъ изображена Тайная Вечера. Находящіяся къ С. отъ храма мѣстныя плиты—съ греческими надписями и изукрашены рѣзными рельефными орнаментами. При реставраціи церкви, по словамъ мѣстныхъ жителей, производились какія-то земляныя работы, во время которыхъ наткнулись на

какую-то могилу, изъ которой выкопанъ бронзовый складной крестъ, повѣшенный у входа въ церкви и уступленный мнѣ старостою за небольшой денежный вкладъ въ церковную кружку.

Когда я освѣдомился у собравшихся около меня любопытныхъ поселянъ насчетъ плиты съ интересною надписью, не разобранной Кеппеномъ, то они мнѣ сказали: «А, это вамъ надо ту *волчью лапу*, которую всѣ отыскиваютъ?» и показали мнѣ плиту, находящуюся за сторожкой, довольно углубившуюся въ землю и обросшую вокругъ бурьяномъ. Дѣйствительно, на поверхности плиты въ серединѣ оказалось звѣздообразное углубленіе, похожее нѣсколько и на лапу какого-то крупнаго звѣря. Одинъ досужій мужикъ тотчасъ же совершенно серьезно далъ такое объясненіе означенному знаку: «Это значить», сказалъ онъ, «волкъ задралъ того, кто тутъ схороненъ — вотъ на памятникѣ и сдѣлали тоже волчью лапу». На самомъ же дѣлѣ, какъ я узналъ потомъ, у армянъ существуетъ обычай дѣлать на могильныхъ памятникахъ углубленія различныхъ формъ для того, чтобы въ нихъ собиралась дождевая вода, которую бы могли пить прилетающія къ памятникамъ птички, на поминъ души покойниковъ. Эта плита также, оказывается, армянская. На сдѣланномъ мною бумажномъ слѣпкѣ ея мы съ г. Малхасянцемъ разобрали слѣдующія армянскія слова: **ՄԱՅՆ ԻՆ ՏՄԳԱՆ ԶՕՐԻՔՅԻ ՄԱՐՈՒՔԻ ՄՕՐԵ ԶՈՒՆԱՐԻՆԵ ՌՆՁԶՁ**.

Это значитъ порусски: «Сія есть могила матери хлѣбопека Марука Чугары. 1186 (1737)».

Что касается до надгробій такъ называемаго «готвейскаго» кладбища, то они представляютъ собою плиты очень большихъ размѣровъ, нѣкоторыя до $3\frac{3}{4}$ аршинъ длины и 1 арш. 7 вер. ширины. Иныя изъ нихъ имѣютъ форму нашихъ гробовыхъ крышекъ, или же небольшихъ домиковъ съ выдающимися возвышеніями къ западной ихъ оконечности, съ уступами и карнизами по бокамъ, и украшены весьма затѣйливыми и очень красивыми рѣзными орнаментами. Нѣкоторыя изъ этихъ плитъ представляютъ соединеніе двухъ совершенно одинаковыхъ по формѣ, но различныхъ по величинѣ, надгробій, искусно высѣченныхъ изъ одного камня. Съ лицевой стороны, обращенной къ З., имѣются на памятникахъ кресты и небольшія углубленья въ видѣ нишекъ для того чтобы въ нихъ ставить зажженную свѣчку или класть ладонь для куренія, какъ объясняетъ г. Кеппенъ (Сборникъ, стр. 35—36). Большая же часть надгробій суть правильныя четырехугольныя продолговатыя плиты, на которыхъ высѣчены разныя фигуры—рельефныя или же углубленныя — то представляющія какое-то непонятное, хотя и правильное, сочетаніе прямыхъ линий, то несомнѣнно изображающія извѣстные предметы, какъ напр. ножницы, кирку, и т. п.

Академикъ Кеппенъ предполагалъ, что эти изображенія суть эмблемы тѣхъ профессій или ремеслъ, которыми занимались при жизни своей лица, погребенныя подъ этими памятниками, но какъ же тогда понять эмблему въ видѣ кирки на массивномъ и богато украшенномъ рѣзбою памятникѣ? Неужели подъ нимъ погребенъ какой-нибудь простой землекопъ? Что-то не вѣроятно. Сопровождавшій меня десятникъ Артѣмъ сообщилъ мнѣ, что въ прошломъ или позапрошломъ году въ Бія-Сала пріѣзжалъ г. Сизовъ и произвелъ раскопку семи могилъ этого кладбища. На глубинѣ аршина или полуторыхъ аршинъ въ раскопанныхъ могилахъ оказались выложенныя въ видѣ сундука вмѣстилища для труповъ, сверху покрытыя также толстыми плитами. Въ одномъ такомъ склепѣ, сказалъ Артѣмъ, принимавшій дѣятельное участіе въ раскопной работѣ, нашли будто бы священника, судя по найденнымъ остаткамъ одежды и еще какихъ-то принадлежностей.

Правду говорилъ Артѣмъ, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ въ могилѣ подобнаго затѣйливаго устройства едва ли могло быть уготовано мѣсто упокоенія для простого землекопа. Поэтому можно почти навѣрное сказать, что загадочныя изображенія на могильныхъ памятникахъ суть не что иное, какъ какіе-нибудь фамиліальные шифры, или *тамги*, какъ онѣ называются у татаръ. Подобныя тамги встрѣчаются на старинныхъ ногайскихъ могильныхъ памятникахъ, какъ это сообщилъ мнѣ мулла Абду-ль-Гафуръ изъ медресе близъ Бурундука въ степной части Крыма.

Такъ какъ мнѣ въ Бія-Сала сказали, что тамъ уже производились недавно раскопки на кладбищѣ г. Сизовымъ и еще однимъ ученымъ туристомъ¹⁾, то я уже не счолъ нужнымъ предпринимать еще новыхъ раскопокъ, потому что, вѣроятно, эти почтеннѣйшіе изыскатели когда-нибудь сдѣлаютъ извѣстными результаты своихъ раскопокъ, произведенныхъ ими въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ я не имѣлъ времени произвести.

Съ своей стороны я полагаю, что кладбище въ Бія-Сала греческое, ибо надгробія его могилъ весьма сходны своею формою съ таковыми же, видѣнными мною на скалѣ монастыря Св. Анастасіи въ долинѣ р. Качи, въ томъ же районѣ, и также, безъ сомнѣнія, греческими.

Кромѣ того, не лишне принять къ свѣдѣнію и то обстоятельство, что въ числѣ кладбищенскихъ плитъ я видѣлъ одну съ изображеніемъ крестовъ такой формы, какая обыкновенно встрѣчается въ армянскихъ церквахъ, и съ признаками совершенно стертой армянской надписи. Другая плита съ изображеніемъ креста армянской формы усмотрѣна была мною подъ горою:

1) Это былъ г. Видгальмъ изъ Новороссійскаго Университета, какъ мнѣ передавалъ потомъ почтенный профессоръ того же Университета Н. П. Кондаковъ.

она была приставлена къ плетню, будучи принесена откуда-нибудь съ кладбища. Всовокупности съ вышеописанною плитою несомнѣнно армянскаго надгробія, близъ церкви Иоанна Крестителя, эти послѣднія заставляютъ предполагать, что на кладбищѣ, называвшемся *готвейскимъ*, хоронились какъ греческіе, такъ и армянскіе покойники, хотя трудно сказать, одновременно ли, или же преемственно. Равнымъ образомъ пока не представляется достаточныхъ данныхъ и къ тому, чтобы доказать или совершенно отвергнуть какое-либо отношеніе этого кладбища къ нѣкогда обитавшимъ въ Крыму православнымъ готамъ.

В. Смирновъ.

Фотопил. В. И. Штейн

1. Надпись на мечети хана Узбека въ Старомъ-Крымѣ.

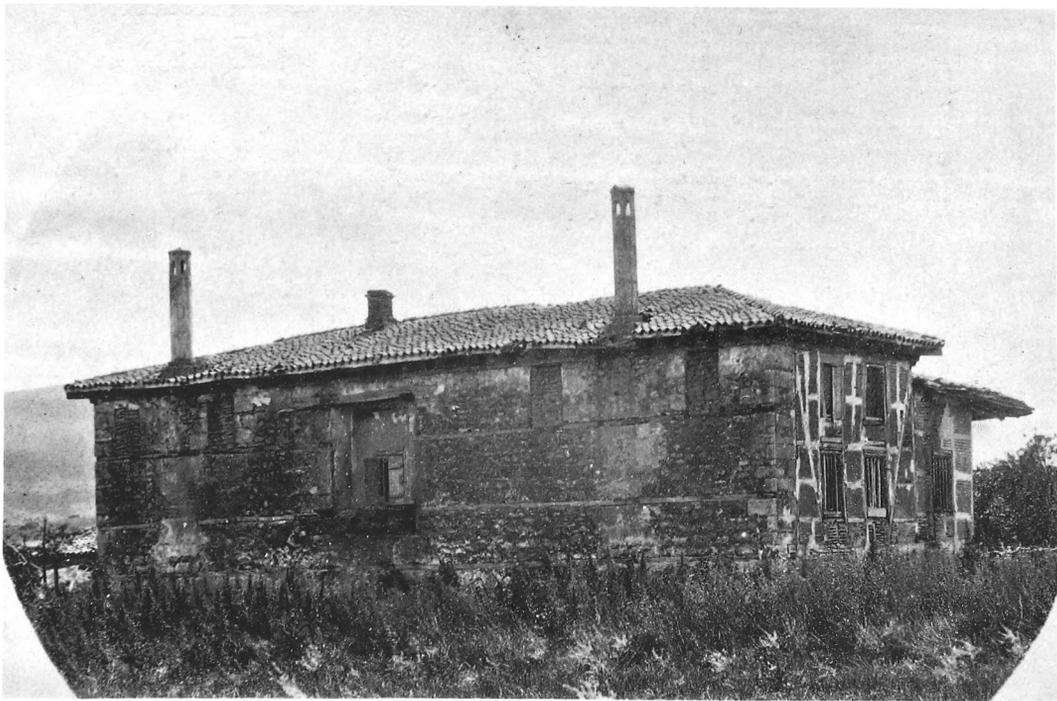
(Правая сторона).

Фотогр. В. И. Шогинъ

II. Надпись на мечети хана Узбека въ Старомъ-Крымѣ

(Лѣвая сторона).

Фототип. В. И. Штейнъ

III. Гокъ-Сарай въ Факче-Или.

(съ сѣверо-западной стороны)